

доказательства бытия Бога, ибо, говорит он, хотя знание о Боге естественным образом укоренено в нас, но оно настолько затемнено лукавством Сатаны, что безумец сказал в сердце своем: «нет Бога» (Пс 13:1). Бог доказал Свое существование чудесами, а Его ученики сделали это благодаря дару научения, который они получили от Бога: «Но нам, не получившим ни дара чудотворения, ни дара научения (потому что мы стали недостойны этого из-за склонности к похотям), нам подобает рассуждать на эту тему — хотя бы о том, что нам сказали проводники благодати». Поэтому в соответствии с принципом св. Павла о познаваемости Бога из рассматривания Его творений Иоанн Дамаскин утверждает существование Бога, показывая, что все данное нам в чувственном опыте изменчиво; что изменчивы даже души и ангелы; что все приходящее к бытию посредством изменения не нетварно; что все данное нам таким образом тварно и, следовательно, существует его несотворенный Творец. Второй аргумент, вытекающий из сохраняемости и управляемости вещей, подтверждает первый, и доказательство заканчивается третьим аргументом, направленным против Эпикура: Иоанн указывает, что порядок и распределение вещей в мире не могут быть случайными. Бог, существование которого таким образом доказано, непознаваем. Иоанн Дамаскин утверждает это в самых энергичных выражениях: «То, что Бог существует, очевидно; но что Он есть по Своему бытию и природе — абсолютно неуловимо и неизвестно (*akatalepton touto pantelos kai agnoston*)». Очевидно, что Бог бестелесен. Он не состоит даже из той бестелесной материи, которую греческие ученые называют «квинтэссенцией», «пятой сущностью». Аналогично — Бог нерожден, недви-

жим, нетленен и так далее; но все эти наименования говорят нам о том, чем Он не является, а не о том, что такое Он есть. Единственное, что можно из всего этого понять, — что Бог бесконечен и, следовательно, непостижим. Положительные имена, которые мы даем Ему, говорят не о том, что есть Бог, и описывают не Его природу, а то, что соответствует ей. Мы говорим, что непостижимое и непознаваемое, которое есть Бог, едино, благо, праведно, мудро и т.д., но перечисление этих атрибутов не позволяет нам познать природу, или сущность, того, к чему они относятся. В самом деле, как и Благо Платона, Бог Иоанна Дамаскина выше познания, потому что Он выше сущности (гл. IV). Кстати, именно в этом смысле Иоанн Дамаскин толкует даже имя, которым Бог Сам назвал Себя в знаменитом тексте книги Исхода (3:14): «Я есмь Сущий» (*o on*). Если понимать правильно, это имя означает на самом деле непостижимость, поскольку оно указывает, что Бог «обладает и заключает в Себе полноту бытия как некий бесконечный и безграничный океан реальности (*ousias*)» (Pege gnoseos, I, 9). Эту формулу часто повторяли и комментировали в средние века, особенно св. Фома Аквинский. По своему общему построению, которое включает исследование ангелов, видимого неба, звезд, элементов, земли и человека, трактат «О православной вере» представляет собой произведение уже чисто схоластического характера, и поэтому он так привлекал ученых людей XIII века и послужил моделью для их «Комментариев к Сентенциям» и «Сумм теологии». Они не только вдохновлялись общим планом произведения, но и видели в нем неистощимый источник понятий и дефиниций, многими из которых немедленно воспользовались теологи, воспитанные на Аристотеле. Из глав XXII—XXVIII книги II о воле, о различении добровольного и недобровольного, о свободной воле, рассматриваемой с точки зрения ее природы и причины, в средние века были восприняты многие понятия, в большинстве своем аристо-